

Д.К. Вейн

Роль и место националистического и милитаристского воспитания в общественно-политической жизни Веймарской республики (1919–1933 гг.)

Рассматривая националистическое молодежное движение в Германии периода Веймарской республики, необходимо подчеркнуть, что оно играло важную роль в общественно-политических процессах тех лет. Это объясняется тем, что именно молодежь стала наиболее восприимчивой к тем идеям, которые исходили от лидеров националистических организаций, с одной стороны, и от правящих кругов, с другой. В сущности, эти идеи повлияли на формирование сознания целого поколения, которое примет активное участие в жизни страны в период фашистской диктатуры и во Второй мировой войне.

Если говорить о причинах подверженности молодежи националистическому воспитанию в 1920-х гг., то в качестве одной из главных следует выделить всеобъемлющее влияние Первой мировой войны на немецкое общество, а также Ноябрьскую революцию 1918 г.

В отечественной историографии советского периода получило широкое распространение мнение, что националистическое движение было вызвано в основном революцией, и его целью была борьба с ней. Но это не совсем так. Действительно, националистические формирования стали противовесом левому движению, стремительно набиравшему силу после революции. Однако это лишь часть объяснения тех причин, по которым национализм в Германии получил новый виток развития. Националистическое движение стало своего рода естественной защитой от радикальных изменений, происходивших после Первой мировой войны не только в Германии, но и во всем мире. Перед лицом этих изменений национализм и милитаризм стали опорой для самых широких слоев немецкого общества и в первую очередь для молодежи. Ведь именно молодежь – наиболее уязвимая группа населения, по которой социально-экономический кризис ударил сильнее всего. Однако в условиях обострившихся социальных проблем послевоенный национализм в молодежной среде приобрел новые черты. Согласно яркой и точной формулировке Отто Данна, вследствие накопленного военного опыта национализм стал особенно агрессивным и воинствующим, это был «национализм молодого поколения» [1, с. 242].

Действительно, большой процент молодежи успел принять участие в боевых действиях: в 1917–1918 гг. на фронт прибывает пополнение, состоящее из 17–18-летних юношей, т.е. с фронта они возвращались 18–19-летними, получив при этом огромный опыт –

опыт борьбы, противостояния и убийства. Та часть молодежи, что в силу возраста не успела попасть на фронт, выросла в условиях военного времени. В течение четырех лет развитие и формирование сознания этой группы проходили на фоне военных действий. Это неизбежно наложило отпечаток на их мировоззрение. Данная часть молодежи стала наиболее подверженной милитаристской пропаганде и охотно шла в ряды военизированных организаций, ибо не испытала ужасов войны. Существует еще одна немаловажная причина сохранения националистических и милитаристских традиций в воспитании молодежи: после поражения Германии в Первой мировой войне правительство Веймарской республики приложило все усилия, чтобы не допустить развала той системы управления обществом, которая сложилась еще в кайзеровской Германии. Основными элементами этой системы были правительство, армия и школа.

Еще до начала Первой мировой войны многие публицисты того времени указывали на истинное значение этих элементов манипуляции общественным сознанием. Один из них, профессор Сорбоннского университета А. Лихтенберже, отмечал: «Религия милитаризма, проповедуемая детям в школе, основательно вбиваемая в головы солдатам во время их действительной службы в полках, старательно поддерживаемая при помощи бесчисленных патриотических ассоциаций, покрывающих всю страну, насчитывает в Германии очень немного неверующих противников» [2, с. 141].

После четырех кровавых лет войны, ставшей результатом политики кайзеровской Германии, новое правительство возвращало германскую нацию в прежние рамки общественно-политической системы. Революция в Германии не смогла ликвидировать тот военно-государственный аппарат, который в течение нескольких десятилетий старательно укреплялся в управлении страной и был доведен до совершенства. Немецкие исследователи Х. Поттхофф и С. Миллер отмечают, что «у бюрократии, у военных, и в экономике почти все осталось по-старому. В креслах ландратов и бургомистров, в центрах управления промышленностью и экономикой, на офицерских должностях и в органах власти в центре и на местах по-прежнему находились, за исключением отдельных представителей и «контролеров» от рабочего класса, представители авторитарного государства и военной касты» [3, с. 96].

После начала Первой мировой многие обозреватели русских журналов, анализируя причины войны, отмечали важную роль школы в воспитании милитаризма. Например, Р. Бланк подчеркивал, что Германия обязана своими победами с 1866 г. школе и «народному учителю»: «Для современной армии хорошая народная школа составляет необходимую предпосылку» [4, с. 289].

Система образования и воспитания, сложившаяся в школах кайзеровской Германии, с ее традиционной опорой на прусско-германский милитаризм, перекочевала и в школу Веймарской республики. Отличие состояло лишь в том, что теперь в традиционную пропаганду национализма и шовинизма вплетались идеи реваншизма. Вина за поражение Германии в войне полностью перекладывалась на революцию, всячески замалчивалась роль правящих кругов в развязывании войны. Примечательное свидетельство о националистической и реваншистской пропаганде в немецкой школе оставил современник событий Бруно Винцер:

– Мюллер, почему Германия проиграла войну?

– Потому что её не поддержал тыл, господин штудииентрат: рабочие бастовали, и солдат перестали снабжать боеприпасами.

– Кто может мне сказать, какие из своих ценных владений потеряла Германия?

Тут посыпались ответы – всё это мы уже не раз повторяли и записывали, показывали на большой карте и чертили схемы.

– Все колонии и Цзинцзяу, господин штудииентрат.

– Отлично, мой мальчик! Кто может продолжить?

– Я, господин штудииентрат. Кроме того, мы потеряли Мемельскую область, Познань, Западную Пруссию и часть Верхней Силезии.

– Превосходно! Что ещё у нас отняли?

– Эльзас-Лотарингию и Саарскую область, – ответил хор голосов.

– Чудесно, дети. А что для нас самый большой позор?

– Оккупирована Рейнская область, французы вторглись в Рурскую область и воруют наш уголь.

– Да, дети, всегда помните об этом: французы, такие же белые люди, как и мы, не стыдятся посылать против нас на германском Рейне грязных негров! Беспримерное глумление над культурой! [5, с. 38–39].

Конечно, патриотическое воспитание – это неотъемлемая часть в образовательной системе любой страны. Однако ситуация в школах Веймарской республики говорит о целенаправленном внедрении идеологии национализма и милитаризма в сознание немецких детей. Бывший майор вермахта Гельмут Вельц писал: «Я принадлежу к поколению, выросшему после Первой мировой войны. В школе и университете я испытал на себе шовинистическое воспитание

тех лет; оно внушало, что германская армия осталась в Первой мировой войне непобежденной и широко использовала империалистический Версальский мир для разжигания реваншистских чувств» [6, с. 383]. В воспоминаниях Гейнца Гофмана, учащегося немецкой школы 20-х гг., встречается такой примечательный эпизод: «Милитаризм и национализм, перемешанные с изрядной порцией верноподданничества и одобренные трогательными сказочками о великом герцоге баденском, определяли суть воспитательной программы. Так, например, в день рождения великого герцога каждый ученик получал в подарок большой соленый крендель». Далее с долей юмора Гофман добавляет: «Мы, дети, не видели в этом ничего плохого, с аппетитом уплетали хрустящие крендели и не возражали бы, если бы великий герцог праздновал день рождения несколько раз в году» [7, с. 42].

В пропаганду милитаризма и реваншизма очень органично вплетались и старые учебники по истории. Известный немецкий писатель Э.-М. Ремарк до начала своей литературной деятельности перепробовал много профессий. Некоторое время ему довелось работать учителем в сельской школе. Здесь он столкнулся именно с такой образовательной системой: «Покачивая головой, открываю учебник всеобщей истории – опять войны, бои, сражения... Когда жертвы этого учебного плана окончат школу, они будут знать время царствования любых, даже самых незначительных князьков, даты всех войн, которые те вели; детям внушат, что это чрезвычайно важные мировые факты, но о Бахе, Бетховене, Гёте, Эйхендорфе, Дюрере, Роберте Кохе они вряд ли будут знать» [8, с. 340].

Проводя исторические параллели, можно отметить, что в нацистской Германии историческое образование станет одним из наиболее важных инструментов формирования общественного сознания.

В Веймарской Германии детям с первых лет обучения внушалась мысль о необходимости расширения «жизненного пространства» нации. Немецкий исследователь Р. Бендик подчеркивает, что в пропаганде ревизионизма и реваншизма в рамках школьного образования использовалось всё, даже географические карты. В октябре 1920 г. министр образования Пруссии постановил, что в географических атласах «немецкие территории, отобранные у нас по Версальскому договору, должны быть показаны как принадлежащие Германии до сих пор» [9, с. 511]. В «Историческом атласе» Тойбнера, изданном в 1930 г., на карте «Немецкое население и территории культурного влияния в Центральной и Восточной Европе», чешская часть Чехословакии была обозначена как «область немецкой культуры» [9, с. 511]. Польша, Прибалтика, Румыния и Россия вплоть до линии от Ладожского озера до устья Днепра были заштрихованы красным «немецким» цветом, как «территории распространения германского праязыка

на Восток» [9, с. 511]. В учебнике по истории, выпущенном в 1925 г., можно было встретить такие слова: «Еще теснее стала сегодня Германия, слишком тесной для подрастающего поколения молодежи. Для развития жизненных возможностей этой молодежи Германии нужны колонии» [10, с. 75]. В другом учебнике, вышедшем в 1930 г., в абзаце, завершающем тему, посвященную Первой мировой войне, было написано следующее: «Это будет противоречить всей истории нашего народа, если после такого унижения не последует возвышения и возрождения Германии» [10, с. 75]. Все это отвечало интересам правящих кругов и прежде всего военной верхушки. Генерал Ганс фон Сект, игравший одну из ведущих ролей в рейхсвере, в своей книге «Мысли солдата» недвусмысленно указал на эти интересы, считая необходимым милитаризацию «всей способной носить оружие молодежи» [11, с. 7].

Все это очень напоминает методы шовинистской пропаганды, применявшиеся в кайзеровской Германии. В последней трети XIX в. здесь наблюдался рост выпуска публикаций, направленных на формирование образа потенциального врага. Традиционно в пропаганде в качестве врагов выступали Франция и Россия. Иногда, правда, встречаются противоречия, вызванные, по всей видимости, требованиями времени или переменами во внешней политике Германии. В частности, некий полковник Кетшау указывал на угрозу, якобы существующую со стороны России, и призывал объединиться с Францией для защиты от «московских притязаний», угрожающих будто бы «Западной Европе господством казачества» [12, с. 314]. Геффкен призывал окончательно присоединить Лотарингию и Эльзас, ассимилировав население этих бывших французских провинций [13, с. 436].

Советский исследователь А.А. Галкин приводит ещё один примечательный пример формирования милитаристского сознания с помощью литературы: «Наиболее показательна... монография «Великая Германия и Центральная Европа», вышедшая в свет в 1895 г. и подписанная псевдонимом Пангерманец. В монографии давался облик Европейского континента, каким он должен стать к 1950 г. в том случае, если Германской империи удастся осуществить необходимые, с точки зрения автора, территориальные преобразования» [14, с. 9]. По мнению Пангерманца, Германии необходимо вернуть всех немцев, «вне зависимости от того, где они проживали ранее». В результате Германия «интегрирует» в свой состав страны «родственного» германского происхождения – Голландию, Швейцарию, фламандскую часть Бельгии, Люксембург, Данию, Норвегию. «Конечно, – писал он, – не одни только немцы будут населять новую Германию. Однако только немцы будут пользоваться политическими правами, служить в армии и приобретать земельную собственность,

а живущим среди них иностранцам они предоставят выполнение физических работ. Тогда-то и сами немцы вновь обретут существовавшее у них в средние века сознание, что они являются народом господ» (цит. по: [14, с. 9]).

Таким образом, в течение нескольких десятилетий предпринимались попытки внедрить в сознание немецкого народа образ будущего врага Германии. Со стороны запада – это была Франция, а со стороны востока – Россия.

Формирование образа потенциального врага в сочетании с пропагандой идеи о расширении «жизненного пространства» нашло своё отражение не только в школьном образовании Веймарской республики, но и в ее политике. По сути, воспитание и образование немецкой молодежи в исследуемый период полностью отвечало потребностям политики правящих кругов: «Барон Матнойффель-Катуданген, в своё время эмигрировавший из Латвии и впоследствии оказавший сильное влияние на представления Гитлера и его партии о России, писал в 1926 г.:

“Большевики уничтожают памятники культуры, музеи, архивы, литературные произведения всех видов. В них живёт ненависть к нашей западноевропейской арийско-германской культуре, что отразилось в физическом истреблении образованного слоя русского общества...”

Под этим углом зрения весь большевизм представляется новым монгольским нашествием, возвращением к монгольским набегам, которые однажды уже потрясли арийскую расу и арийско-германскую культуру, угрожая полным уничтожением”» [15, с. 246].

Националистическое и милитаристское воспитание молодежи осуществлялось не только в школе, но и в различных организациях. Не последнюю роль в этом играла армия. Ее влияние в 20-х гг. прослеживается как в руководстве молодежными организациями, так и в их структуре и деятельности. Наиболее крупные организации возглавлялись отставными военными различного ранга, в том числе в чине генерала или адмирала, а более мелкие находились в их подчинении. По данным Э. Гумбеля, большая часть националистической молодежи состояла в организациях Младогерманского ордена, Союза старой Пруссии, Союза графа Йорка фон Вартенбурга и Юнгштурма. Все эти союзы входили в непосредственное подчинение Союза Родины, или Отчужденного союза. Эта организация оказывала молодежным объединениям финансовую поддержку, а также обеспечивала обучение военному делу. В свою очередь, Отчужденный союз имел тесные связи с рейхсвером, благодаря которым и оказалось возможным предоставление молодежным организациям оружия и полигонов для военного обучения [16, с. 58–59].

Как уже упоминалось выше, руководство молодежными объединениями осуществляли, как правило,

отставные военные чины. Например, Союз графа Йорка фон Вартенбурга возглавлял обер-лейтенант Алеман; Союз германской молодежи в Нюрнберге – адмирал Шеер [16, с. 60].

Ещё одна организация, Германский национальный союз молодежи, возглавлялась адмиралом фон Трота. Союз делился на отряды, большинством из которых командовали бывшие офицеры рейхсвера. Бывший офицер вермахта, а в 20-х гг. член этого союза Бруно Винцер, вспоминал, что на маневрах, проводившихся союзом, присутствовали в качестве советников офицеры рейхсвера [5, с. 42]. Следует отметить, что членами этого же союза были братья Эрнст Вернер Техов и Ганс Герд Техов – активные участники убийства министра иностранных дел Германии Ратенау. Но речь об этом пойдет ниже.

Одной из крупнейших молодежных организаций был Младогерманский орден. По данным Э. Гумбеля, это националистическое объединение насчитывало в период своего наивысшего развития до 100 тысяч членов. Руководство этой организацией осуществлял обер-лейтенант Артур Мараун, который и основал её в Касселе вскоре после войны. Структура ордена соответствовала армейской. Он подразделялся на взводы, роты, батальоны и т. д. Возрастной состав Младогерманского ордена колебался от 12 лет до 21 года [18, с. 83–85].

Бескомпромиссность и решительность программных принципов «Младогерманского ордена» были, несомненно, привлекательны для молодежи, потерявшей опору вследствие социально-экономического кризиса начала 20-х гг. В соединении с практическими военными занятиями и строевой подготовкой идеи, пропагандировавшиеся в этом объединении, стали мощным стимулом, побуждавшим молодых людей вступать в ряды националистических боевых организаций, в том числе фашистских. В сознании молодежи принадлежность к ним была овеяна духом романтики, давала уверенность в себе. Ярким подтверждением этому служит молодежная организация из Кенигсберга «Готовность к делу». Формально это объединение было зарегистрировано как спортивный союз, но под видом спортивных упражнений его члены (в большинстве своем это были ученики местной строительной школы) проходили военную подготовку. Учебные площадки, гранаты и винтовки предоставлял рейхсвер. Примечательно, что руководство союзом «Готовность к делу» осуществлял Моозберг, заведующий прессой «Союза Родины». Этот факт еще раз свидетельствует о тесной связи между всеми националистическими организациями Германии. Интересно и то, что символом союза «Готовность к делу» была свастика. [16, с. 58].

Ещё одним националистическим молодежным объединением был «Союз Бисмарка». В книге В. Мюнценберга и П. Томпсона он характеризуется

следующим образом: «Союз Бисмарка» – организация молодежи, члены которой активно выступают в Берлине против коммунистической молодежи, имеет, по собственным данным, уже 60000 членов» [18, с. 104]. Союз Бисмарка примыкал к Немецкой национальной народной партии и до 1925 г. он носил название «Имперский союз молодежных групп Немецкой национальной народной партии». Исследователь Ю.В. Маковский отмечает: «Союз Бисмарка вовлекался руководством в борьбу против коммунистической молодежи, носил националистическую, антисемитскую направленность» [17, с. 52].

Следует подчеркнуть, что большую роль в националистическом молодежном движении Германии 20-х гг. играло студенчество. Об этом свидетельствуют слова лидера боевой организации «Железный отряд» капитана Бертольда: «Мобилизационный комитет должен немедленно войти в контакт с представителями студенчества: узнать, насколько оно организовано и какие части его стоят еще в стороне. Исключительно важен вопрос: можем ли мы встретить в лице этих частей противников, ибо в таком случае дело идет о фанатиках, которые должны быть обезврежены. Общими принципами остается, что студенчество организуется в собственные роты и маршевые группы и используется, как главный резерв. Ибо в студенчестве наша главная сила» [16, с. 54]. Во время Капповского путча капитан Бертольд был убит. При осмотре тела убитого была обнаружена записка, своеобразное руководство к действию: «Мобилизация рейхсвера и студенчества. Мобилизация буржуазии и объединение всех начинаний военного характера, которые, где бы то ни было, имеются налицо» [16, с. 54].

Очевидно, что лидеры националистического движения придавали участию в нем студенчества перво-степенное значение. И дело здесь не только в том, что с притоком студентов росла численность таких организаций. Не последнюю роль здесь играл и тот фактор, что студенчество – это наиболее образованная часть общества. И тот, кто владел умами студентов, тот в известной мере владел и всем общественными сознанием. Ибо интеллект в соединении с боевой силой – это мощное оружие, используемое в технологии манипуляции сознанием. Одним из примеров такого синтеза может служить студенческая организация «Содружество германского оружия». Члены этой организации обучались владению оружием и проходили строевую подготовку. У большинства студентов имелись карабины. К этой организации примыкало еще несколько студенческих корпораций, члены которых также проходили военную подготовку [16, с. 54].

Деятельность молодежных организаций не ограничивалась одним обучением. От обучения немецкая молодежь, подстрекаемая своими руководителями, переходила к практике, зачастую жестокой и кровавой.

Всё чаще в газетах тех лет появляются сообщения о стычках между коммунистами и националистами. Вот лишь несколько примеров:

Рабочие мирно присутствуют при открытом собрании Младо-немецкого ордена. Фашисты учиняют на них вооруженное нападение. После вмешательства полиции рабочие удаляются в Народный дом. Члены Младо-немецкого ордена пытаются взять здание штурмом... В итоге столкновения – много раненых (Гамбургер Фольксцайтунг. – 1923. – 7 апр.).

В город Троту приехали поездом 300–400 членов организации «Штальгельм». С тем же поездом прибыло несколько комсомольцев, которые мирно попрощались с товарищами, следовавшими дальше. Они подверглись нападению шести человек, которые жестоко избили их кастетами, резиновыми папками и тростями. Некоторые призывали к убийству этих «интернациональных жидовских прихвостней» (Классенкамф. – 1923. – 30 апр.).

Комсомольцы, расхаживавшие после районного собрания делегатов, подверглись нападению большой группы членов Союза Бисмарка. Фашисты были вооружены кинжалами и стальными прутьями. Комсомольцы защищались. Было сделано несколько выстрелов, одним из которых был тяжело ранен комсомолец Полинг. Два комсомольца и 11 фашистов были арестованы (Роте Фане. – 1923. – 9 мая) [18, с. 115–116].

Террористическая деятельность националистов была направлена не только против коммунистов. Члены националистических молодежных организаций принимали участие в крупных террористических актах и против других политических противников.

8 февраля 1923 г. в Мюнхене было совершено покушение на депутата рейхстага, социал-демократа Ауэра. Преступником оказался 17-летний реалист. 24 июня 1922 г. был убит министр иностранных дел Вальтер Ратенау. В убийстве участвовали молодые люди: Водитель автомобиля террористов Эрнст Вернер Техов (21 год), студент; его брат, Ганс Герд Техов (16 лет), гимназист; Эрнст фон Заломон (20 лет); В. Нидриг (20 лет), его впоследствии заменил Эрнст Техов [19, с. 78–79]. Кроме того, в убийстве Ратенау должен был участвовать 17-летний гимназист Гейнц Штубенрах, член Союза прямодушных. Он даже разработал собственный план покушения, но в последний момент по каким-то причинам был удален из состава террористической группы. Эрнст Вернер Техов уже успел себя проявить в Капповском путче, в котором он участвовал в составе бригады Эрхарда, был также членом Германско-национального союза молодежи и Союза обороны и наступления. В этих же организациях состоял и его брат, Ганс Герд Техов, который также участвовал в Капповском путче. Эрнст фон Заломон был членом «Объединения национально-мыслящих солдат» и тоже принимал участие в Кап-

повском путче. Впоследствии он станет одним из активных организаторов отрядов СС.

Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть националистических молодежных организаций Германии служила одной цели: подготовке будущих солдат рейхсвера. Кроме того, молодежь активно привлекалась к участию в борьбе против идеологических противников – коммунистов и социал-демократов, а также к совершению террористических актов. Молодежные организации Веймарской республики стали основой для внеармейской подготовки кадров. Можно утверждать, что боевая подготовка германской армии, сделавшая ее лучшей армией в мире, совершенствовалась не только в 30-х гг., но и гораздо ранее, в начале 20-х гг.

Конечно, было бы ошибкой утверждать, что вся немецкая молодежь воспитывалась на идеях национализма и милитаризма. При ближайшем рассмотрении выясняется, что далеко не все молодые люди входили в состав националистических молодежных организаций. Об этом говорят следующие цифры: в 1930 г. в Германии насчитывалось 9,1 млн юношей и девушек в возрасте от 14 до 21 года. Из них не более 40% входили в состав различных молодежных организаций [18, с. 30].

Необходимо отметить, что и политика правительства Веймарской республики не имела только милитаристскую и националистическую направленность. В 1922 г. был принят закон о молодежи, который вполне отвечал требованиям конституции. Его основной целью была организация государственной и общественной помощи молодежи. Согласно этому закону каждый ребенок имел право на воспитание, соблюдение которого должно было контролироваться государством. Также законом «создавались специальные ведомства по делам молодежи на коммунальном и земельном уровнях. В компетенцию этих ведомств входила помощь детям школьного возраста и юношам, девушкам, закончившим школу» [17, с. 65]. В целом этот закон не пошел дальше координации частных инициатив в этой области, а также некоторой организационной перестройки системы помощи молодежи, в основном благотворительной. Это объяснялось не столько политической слабостью, сколько отсутствием финансовых средств. На деле же это обернулось тем, что правительство не смогло привлечь молодых людей в число своих союзников. Этим не замедлили воспользоваться различные организации экстремистского толка, которые смогли предложить им альтернативные идеи.

Итак, подводя итоги, можно сделать несколько выводов:

1) национализм и милитаризм не были чем-то новым в общественно-политической жизни Германии периода Веймарской республики. Данные явления наблюдались и в кайзеровской Германии,

когда правящие круги стремились сформировать агрессивную националистическую идеологию. В немалой степени это диктовалось интересами внешней политики;

2) посредством печати, школы и армии немцам внушалась мысль о национальном превосходстве и военном могуществе, которые давали право решать силой вопросы международной политики. Этому влиянию была подвержена и молодежь, возможно, даже больше, чем другие возрастные и социальные группы населения Германии. Начало Первой мировой войны вызвало взрыв национал-патриотических настроений;

3) поражение Германии в Первой мировой войне не устранило проблемы национализма в немецком обществе. Легенда об «ударе ножом в спину», Вер-

сальский договор, экономические трудности помогли сохранить националистические и милитаристские традиции;

4) правительство Веймарской республики не смогло увлечь молодежь конструктивными идеями, чем не замедлили воспользоваться лидеры различных националистических полувоенных организаций. В их рядах воспиталось целое поколение, которое примет активное участие во Второй мировой войне;

5) политика правительства Веймарской республики в отношении молодежи не была однозначной. С одной стороны, были попытки привлечь молодых людей на свою сторону, организовав им государственную помощь, с другой стороны, правящие круги сохраняли идеи национализма и милитаризма в сфере воспитания и образования.

Библиографический список

1. Данн, О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990 / О. Данн. – СПб., 2003.
2. Лихтенберже, А. Современная Германия / А. Лихтенберже. – М., 1914.
3. Поттхофф, Х. Краткая история СДПГ: 1848–2002 / Х. Поттхофф, С. Миллер. – М., 2003.
4. Бланк, Р. Письмо из Берлина / Р. Бланк // Вестник Европы. – 1914. – Июнь.
5. Винцер, Б. Солдат трёх армий / Б. Винцель. – М., 1973.
6. Вельц, Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – Смоленск, 1999.
7. Гофман, Г. Мангейм – Мадрид – Москва / Г. Гофман. – М., 1982.
8. Ремарк, Э.-М. Тени в раю. Возвращение / Э.-М. Ремарк. – Барнаул, 1989.
9. Бендик, Р. Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн / Р. Бендик // Первая мировая война: Пролог XX века. – М., 1998.
10. Яркина, Т.Ф. Коммунистическая партия Германии в борьбе за новую школу и социалистическое воспитание в годы Веймарской республики (1918–1933) / Т. Яркина // Советская педагогика. – 1961. – №4.

11. Шмидт, К. Империалистическая военная программа германской социал-демократии / К. Шмидт // Коминтерн. – 1929. – 15 февр.
12. Слонимский, Л. Немецкие завоевательные планы / Л. Слонимский // Вестник Европы. – 1914. – Октябрь.
13. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. – 1893. – Ноябрь.
14. Галкин, А.А. Исторические и социальные корни реваншизма / А.А. Галкин // Реваншизм: идеология и практика : сб. ст. – М., 1985.
15. Волковский, Н.Л. История информационных войн : в 2 ч. – СПб., 2003. – Ч. 2.
16. Гумбель, Э. Заговорщики: К истории германских националистических тайных союзов / Э. Гумбель. – Л., 1925.
17. Маковский, Ю.В. Влияние национализма и милитаризма в буржуазном молодежном движении в Германии в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Ю.В. Маковский. – Томск, 1988.
18. Мюнценберг, В. Фашизм (упадок фашистского движения) / В. Мюнценберг, П. Томпсон. – М., 1925.
19. Гумбель, Э. Четыре года политических убийств / Э. Гумбель. – Пг. ; М., 1924.